

Менялы

Часть первая

Глава 1

Многих ещё долго будут мучить воспоминания о тех двух днях в начале октября.

Во вторник Бен Росселли – президент банка «Ферст меркантайл Америкен» – сообщил страшное известие, которое не только изменило общую ситуацию в банке, но и получило широкий резонанс за его пределами.

На следующий день, в среду, на «флагманском корабле» банка – в его центральном отделении – был обнаружен вор, и это событие тоже повлекло за собой череду непредвиденных событий, результатом которых стали разорение, трагедия и смерть.

Итак, по порядку.

* * *

Заявление президента банка явилось полной неожиданностью, поскольку – как ни странно – никакой информации заранее не просочилось. Рано утром Бен Росселли позвонил некоторым из старших управляющих; нескольких он застал дома за завтраком, остальных – на работе. Бен обзвонил и тех, кого считал своими друзьями: это были служащие, ветераны банка, не входившие в аппарат управления.

Каждому он говорил одно и то же: «Пожалуйста, будьте сегодня в одиннадцать утра в башне, в конференц-зале».

И вот около двадцати человек собрались в конференц-зале, не хватало только самого Бена; собравшиеся тихонько переговаривались, стоя небольшими группками. Никто не решался первым отодвинуть стул от сияющего стола, за которым заседал совет директоров; стол, рассчитанный на сорок человек, был длиннее площадки для игры в сквош.

– Кто разрешил? – раздался резкий голос. Все повернули головы. Эти слова были произнесены Роско Хейвордом, исполнительным вице-президентом, и относились к облаченному в белый смокинг официанту из ресторана для администрации. Официант разливал херес в бокалы.

– Распоряжение мистера Росселли, сэр, – ответил официант. – Он велел подать самый лучший херес.

Коренастый человек в модном светло-сером костюме, обернувшись, непринужденно бросил:

– Не стоит отказываться от самого лучшего.

Это был другой исполнительный вице-президент, Алекс Вандерворт. За его добродушной, неофициальной, что называется свойской, манерой держаться скрывалась твердая воля и решительность. Оба – Хейворд и Вандерворт – состояли во втором эшелоне управления, который шел вслед за президентским, и хотя каждый из них имел за плечами солидный опыт и служил общему делу, они были соперниками.

Это соперничество пронизывало весь банк – у каждого были группы союзников на более низких ступенях субординации.

Алекс взял два бокала хереса, передав один брюнетке с великолепной фигурой – Эдви́не Д'Орси, которая занимала крупный пост в структуре «ФМА».

Эдвина заметила, что Хейворд бросил на неё злобный взгляд.

«Ну и пусть», – подумала она; Роско знал, что Эдвина верно служила лагерю Вандерворта.

– Спасибо, Алекс, – сказала она, взяв стакан. С минуту в воздухе висело напряжение, затем остальные последовали их примеру. Лицо Роско Хейворда сердито вытянулось. Он как будто собрался что-то сказать, но передумал.

Вице-президент, шеф службы безопасности Но́лан Уэйнрайт, высоченный негр с внешностью Отелло, громко объявил:

– Миссис Д'Орси, джентльмены, мистер Росселли.

Гул разговоров стих.

Бен Росселли стоял в дверях и, обводя взглядом присутствующих, слегка улыбался. Он, как всегда, являл собой образец эдакого отеческого благодушия и прочной надежности – человека, которому тысячи сограждан могут вверить свои деньги. Этот образ государственного мужа и банкира подчеркивала неизменная черная тройка, а на жилете – золотая цепь от часов, спрятанных в нагрудном кармашке.

Однако сегодня Бен Росселли не излучал своей обычной энергии. Он опирался на трость – такого ещё не видывал ни один из присутствующих.

Он протянул руку, по-видимому, намереваясь придвинуть к себе один из массивных директорских стульев. Но его опередил Но́лан Уэйнрайт; тихо поблагодарив, президент сел.

– Это неофициальная встреча. Долго я вас не задержу. Пожалуйста, можете садиться. Ах да, спасибо. – Последняя фраза была адресована официанту,

который подал ему бокал хереса и вышел, закрыв за собой дверь.

– Мы собрались явно для того, чтобы что-то отпраздновать, – сказал Алекс Вандерворт. – Осталось только выяснить – что.

На лице Бена Росселли вновь мелькнула улыбка.

– Хорошо, если б так, Алекс. Я подумал, что это тот самый случай, когда выпить не помешает.

Он помолчал, и внезапно всех охватила тревога. Было ясно, что это не простое совещание. На лицах отразились неуверенность и беспокойство.

– Я умираю, – сказал Бен Росселли. – Доктора говорят, мне осталось недолго. Я решил, что все вы должны об этом знать. – Он поднял бокал и, помолчав в задумчивости, отпил глоток хереса.

Если до сих пор в конференц-зале царила тишина, то сейчас молчание стало гробовым. Никто не двинулся с места, не проронил ни звука.

Старый Бен подался вперед, опершись на трость:

– Ваше смущение излишне. Мы все старые друзья, потому-то я вас и собрал. И хочу предупредить естественные вопросы: то, что я сказал, совершенно определенно – если бы я надеялся хоть на малейший шанс, то не стал бы спешить. Догадываюсь, что ещё может вас интересовать: у меня рак легких, и к тому же запущенный. Вряд ли я доживу до Рождества. – Он замолчал, и вдруг стало заметно, как он слаб и изможден. Росселли добавил более мягко:

– Сейчас, когда вы все знаете, можете передать остальным.

Эдвина Д'Орси подумала, что не успеет опустеть конференц-зал, как новость разлетится со скоростью степного пожара. Известие не оставит равнодушным никого – одних оно искренне опечалит, другие отнесутся к нему более прагматично; что касается Эдвины, она была потрясена и чувствовала, что все остальные – тоже.

– Мистер Бен, – наконец отважился один из «стариков». Поп Монроу был старшим клерком в отделе кредитования; голос его дрожал:

– Мистер Бен, изрядно вы нас озадачили, нечего сказать. По-моему, никто толком и не знает, как реагировать.

Раздался гул голосов, почти стон, выражавший одновременно и согласие и сочувствие. Его перекрыл Роско Хейворд.

– Однако мы можем и должны сказать, – в его тоне прозвучало нечто похожее на упрек, словно остальным следовало дожидаться, пока он заговорит первым, – эта ужасная новость нас ошеломила и опечалила, но нашими молитвами со временем ситуация может измениться к лучшему, и у всех нас появится надежда. Ведь ни для кого не секрет, что мнение докторов редко бывает безошибочным. А медицинская наука может приостановить, даже излечить...

– Роско, я же сказал: через все это я уже прошел, – перебил его Бен Росселли, впервые выказав раздражение. – Что касается врачей, то это были сливки медицины.

– Бен, мы все огорчены, – сказал Алекс Вандерворт. – Мне крайне неловко за свои слова.

– Насчет празднования? Полно! Ты ведь не знал. – Старик усмехнулся. – А кроме того, почему бы и нет? Я прожил хорошую жизнь, не каждому это удастся, так что у нас, безусловно, есть повод. – Он ощупал карманы пиджака и огляделся по сторонам. – У кого-нибудь найдется сигарета? Врачи не дают мне курить.

– Может, все-таки не стоит? – спросил Роско Хейворд.

Бен Росселли бросил на него насмешливый взгляд, ничего не ответив. Ни для кого не было секретом, что, хоть старик и ценил способности Хейворда, отношения между ними всегда были весьма прохладными.

Алекс Вандерворт прикурил сигарету и протянул её президенту. Глаза Алекса были влажными.

– В таких случаях тоже есть чему радоваться, – заметил Бен. – Во-первых, ты получил предупреждение и у тебя есть время довести до конца начатые дела. Хотя, с другой стороны, конечно, есть о чем пожалеть.

Причины для сожаления были всем известны: у Бена Росселли не было наследника. Единственного сына он потерял во время второй мировой войны, а позднее, во Вьетнаме, погиб внук, на которого он возлагал большие надежды.

Старик зашелся кашлем. Нолан Уэйнрайт, стоявший ближе, взял сигарету из его трясущихся пальцев и затушил. Теперь все увидели, каких физических усилий стоила Бену Росселли сегодняшняя встреча.

То было его последнее посещение банка, хотя тогда никто об этом и не догадывался.

Все подходили к нему по очереди, с нежностью пожимая руку и подыскивая слова. Когда настал черед Эдвины Д'Орси, она поцеловала его в щеку, и старик заморгал.

Глава 2

Роско Хейворд одним из первых покинул конференц-зал. Перед исполнительным вице-президентом стояли две неотложные задачи.

Первая – обеспечить плавный переход власти в другие руки после смерти Бена Росселли. Вторая – добиться собственного назначения на пост президента и главы администрации.

Хейворд и без того был крепким кандидатом. Но таковым был и Алекс Вандерворт, и, возможно, среди служащих банка у Алекса было больше сторонников. Однако Хейворд полагал, что в совете директоров – а это главное – его шансы на успех выше.

Мудрый банковский политик, обладающий аналитическим, хватким умом, Хейворд приступил к составлению плана действий уже во время собрания в конференц-зале. Теперь он направлялся в свой кабинет. Усевшись за стол, он вызвал старшую из двух секретарш, миссис Каллаган, и отрывисто продиктовал ей свои распоряжения.

Во-первых, она должна была обзвонить всех членов совета директоров – Роско Хейворд переговорит с каждым из них по очереди. Список директоров лежал перед ним на столе.

Во-вторых, закрыть дверь к нему в кабинет, что было странно, так как в «ФМА» издавна культивировалась традиция открытых дверей.

Сегодня утром Хейворд сразу обратил внимание на то, что помимо представителей администрации в конференц-зале присутствуют только два члена совета директоров «Ферст меркантайл Америкен». Оба они были близкими друзьями Бена Росселли, потому, разумеется, он их и пригласил. Однако это означало, что остальные пятнадцать ещё не знают о его приближающейся смерти. Хейворд позаботится о том, чтобы все они услышали это известие из его уст.

Он исходил из двух соображений: первое – новость была столь

неожиданной и ошеломляющей, что между тем, кто её сообщит, и тем, кто услышит, непременно возникнет ощущение близости. Второе – некоторых директоров может задеть то, что рядовым служащим «ФМА» в некотором смысле оказали предпочтение. На этом-то и собирался сыграть Роско Хейворд.

Раздался первый телефонный звонок. Он снял трубку и начал говорить. За этим звонком последовал другой, потом ещё и ещё.

Через полчаса Роско Хейворд серьезно сообщал достопочтенному джентльмену Харольду Остину:

– Конечно, все мы ужасно расстроены и находимся в полном смятении. То, что поведal нам Бен, кажется просто невозможным, нереальным.

– Господи! И самому об этом рассказать! – Харольд Остин был одним из столпов города, он принадлежал к третьему поколению хорошей семьи и когда-то был избран в конгресс на один срок – отсюда и титул «достопочтенный джентльмен», который доставлял ему известное удовольствие. Сейчас он являлся владельцем крупнейшего в стране рекламного агентства и ветераном совета директоров банка, где пользовался значительным влиянием.

Хейворд поспешил ухватиться за последнюю реплику Харольда:

– Я разделяю ваше недоумение. Честно говоря, меня самого это удивило. И наиболее странным мне показалось то, что директоров не известили первыми. Я счел своим долгом незамедлительно довести это до вашего сведения и до сведения остальных.

Суровое лицо Хейворда с орлиным профилем носило сосредоточенное выражение, серые глаза за стеклами очков были холодны.

– Согласен с вами, Роско, – произнес голос на другом конце провода. – Я считаю, что как раз нам следовало бы сообщить в первую очередь, я ценю вашу предупредительность.

– Спасибо, Харольд. В такие минуты никогда не знаешь, как лучше поступить. Правда, одно обстоятельство не вызывает сомнений – кто-то должен взять на себя руководство банком.

Хейворду весьма удавался фамильярный тон. Сам он происходил из хорошей семьи и умел разговаривать с властью имущими. Хейворд гордился своим социальным положением и знакомствами с высокопоставленными лицами, в том числе в Вашингтоне. Кроме того, ему нравилось напоминать окружающим, что он является прямым потомком одного из составителей Декларации независимости.

Он продолжал:

– Необходимость оповещения членов совета директоров диктуется ещё одной причиной: эта печальная новость наверняка получит широкий резонанс. Причем в скором времени.

– Несомненно, – согласился достойный джентльмен. – Не исключено, что к завтрашнему дню об этом пронюхает пресса, и журналисты будут допытывать нас вопросами.

– Вот именно. А неверно поданная информация, может сбить с толку вкладчиков и понизить наши акции.

– Хм...

Роско Хейворд почти слышал скрип шестеренок в мозгу своего собеседника. Тресту «Остин фэмили», возглавляемому достойным Харольдом, принадлежал крупный пакет акций «ФМА».

– Конечно, если совет, – продолжал наставлять Хейворд, – предпримет энергичные меры, с тем чтобы рассеять сомнения общественности, то все может сойти гладко.

– Но только не для друзей Бена Росселли, – сухо напомнил ему Харольд Остин.

– Я же сейчас совершенно другое имел в виду. Уверяю вас, я скорблю не меньше вашего.

– Что вы предлагаете, Роско?

– Главное, Харольд, – не допустить безвластия. Другими словами, президентское кресло не должно пустовать ни одного дня. При всем нашем

уважении и симпатии к Бену, этот банк слишком долгое время ассоциировался с единоличным управлением. Разумеется, уже многие годы это не соответствует действительности: банк бы никогда не попал в число двадцати крупнейших банков страны, руководи им только один человек. Благодаря сложившейся ситуации, как бы тяжела она для нас ни была, у совета директоров появляется возможность развеять этот миф.

Хейворд чувствовал, что его собеседник лихорадочно соображает. Он отчетливо представлял себе Остина – немолодой красавец и щеголь, с длинной, ухоженной шевелюрой, он словно сошел с обложки рекламного журнала. Наверняка он, как всегда, попыхивал огромной сигарой. Однако и достопочтенного Харольда ещё никто и никогда не оставлял в дураках – он имел репутацию проницательного, преуспевающего бизнесмена.

– Что касается безвластия, – наконец отозвался Харольд, – по-моему, вы правы. Согласен, что необходимо решить, кто же будет преемником Росселли, и, может быть, даже объявить фамилию до кончины Бена.

Хейворд напряженно слушал.

– Думаю, что лучшей кандидатуры, чем вы, Роско, нам не найти. Я пришел к этому выводу уже давно. Вы обладаете всеми необходимыми качествами: у вас есть опыт и твердый характер. Так что я намерен голосовать за вас, кроме того, я сумею убедить некоторых членов совета последовать моему примеру. Полагаю, вы не будете возражать.

– Я, конечно, благодарен...

– Не исключено, что взамен я могу попросить *quid pro quo*^{*}.

– Логично.

– Вот и славно. Значит, мы поняли друг друга.

Повесив трубку, Роско Хейворд счел состоявшуюся беседу в высшей степени удачной. Харольд Остин был человеком последовательным и умел держать слово.

Не менее удачными были и все предыдущие разговоры. А во время беседы с Филипом Джоханнсенем, президентом компании «Мидконтинент

раббер», появилась возможность разыграть дополнительный козырь. Джоханнсен откровенно признался, что всегда недолюбливал Алекса Вандерворта, чьи взгляды, с его точки зрения, были чересчур левыми.

– Алекс действительно таков, – подтвердил Хейворд. – Да и в его личной жизни творится бог знает что. Впрочем, по-моему, это вполне закономерно.

– А что у него за проблемы?

– Женщины.

– Это важно, Роско. Все останется между нами. Говорите.

– Ну, во-первых, у Алекса не все благополучно в семье. Во-вторых, у него есть любовница. В-третьих, она левая активистка, часто попадает в газеты, причем в контексте, который вряд ли может пойти банку на пользу. Иногда я задаюсь вопросом, сколь велико её влияние на Алекса.

– Хорошо, что предупредили, Роско. Совет директоров непременно должен узнать об этом. Так значит, левая активистка?

– Да. Марго Брэкен.

– Кажется, я о ней слышал. Причем в восторг меня это не привело.

Хейворд улыбнулся.

Однако когда он дозвонился до Леонарда Л. Кингсвуда, председателя совета директоров компании «Нортэм стил», его радость несколько омрачилась.

Кингсвуд, который начинал чернорабочим на сталелитейном заводе, в ответ на замечание Хейворда, что Бену Росселли следовало в первую очередь собрать директоров, резко его оборвал:

– Не говорите ерунды, Роско. На месте Бена я бы поступил точно так же. Прежде всего такие вещи говорят самым близким людям, а уж потом – директорам и прочим важным птицам.

По поводу же возможного падения акций «Ферст меркантайл Америкен»

Лен Кингсвуд возразил:

– Ну и что? Они наверняка опять поднимутся в цене в течение недели – ведь банк-то в полном порядке, и реальная стоимость акций останется прежней. Это понятно всякому, кто мало-мальски в нашем деле разбирается. Роско, вся ваша игра шита белыми нитками, а потому, дабы не тратить попусту время, выскажусь без обиняков. Вы прекраснейший финансист – лучшего специалиста в банковском деле я не знаю. Если когда-нибудь вы захотите перейти к нам в «Нортэм» – на более высокую зарплату плюс процент, я смежу кого надо, и вы возглавите нашу финансовую службу. Это и предложение, и обещание. Я не шучу. Однако при всех ваших достоинствах, Роско, вы по натуре не лидер. Во всяком случае, я так считаю и буду отстаивать свое мнение на заседании совета при обсуждении вопроса о преемнике Бена. Скажу больше, я буду голосовать за Вандерворта. И не намерен это от вас скрывать.

– Спасибо за откровенность, Леонард, – спокойно ответил Хейворд.

– А если вы всерьез отнесетесь к моему предложению, звоните в любое время.

Роско Хейворд вовсе не собирался делать ставку на «Нортэм стил». После жестокого приговора, только что вынесенного Леонардом Кингсвудом, он никогда не согласится на это из самолюбия, хотя деньги и имели для него значение. А кроме того, он был преисполнен непоколебимой уверенности в том, что ему уготована главенствующая роль в «ФМА».

Вновь зазвонил телефон. Он снял трубку, и Дора Каллаган сообщила, что на проводе ещё один директор: «Мистер Флloyd Леберр».

– Флloyd, – начал Хейворд тихим, серьезным голосом, – с глубоким прискорбием извещаю вас о постигшем нас горе...

Глава 3

Не все покинули конференц-зал с той же поспешностью, что Роско Хейворд. Некоторые задержались в коридоре и тихо беседовали, потрясенные услышанным.

Алекс Вандерворт подошел к Эдвине и указал в сторону своего кабинета, находившегося рядом. Кабинеты руководителей банка располагались на том же этаже, что и конференц-зал, – на 36-м, в административной башне.

– Хочешь заглянуть ко мне на пару минут?

– Да, с удовольствием, – ответила она. Алекса и Эдвину связывала давняя дружба. И несмотря на то что Эдвина, возглавлявшая центральное отделение «ФМА», стояла на несколько ступеней ниже Алекса в банковской иерархии, он всегда держался с ней на равных, а в вопросах, касающихся её «вотчины», имел дело непосредственно с ней, минуя бюрократическую машину.

– Алекс, – поддела его Эдвина, – должна заметить, ты совсем отощал.

Добродушная улыбка осветила его гладкое, круглое лицо.

– Бросается в глаза, а?

Алекс Вандерворт был любителем вечеринок и приемов, знал толк в еде и винах. К сожалению, он быстро набирал вес. Периодически Алекс садился на диету, сейчас как раз был один из таких периодов. Словно по негласному соглашению, они нарочито избегали говорить о том, что сильнее всего волновало обоих.

– Как в этом месяце идут дела в отделении? – спросил он.

– Отлично. Я преисполнена оптимизма в отношении следующего года.

– А что Льюис думает по этому поводу? Льюис Д'Орси, муж Эдвины, был

владельцем и издателем популярного среди вкладчиков бюллетеня.

– Он настроен весьма мрачно. Предвещает новое падение доллара.

– Я с ним согласен. Видишь ли, Эдвина, беда американских банков заключается в том, что мы не поощряем вклады в иностранной валюте – швейцарских франках, немецких марках и так далее, – как это делают европейские банки. Мы идем навстречу только большим корпорациям, которые знают, как надавить. Что же касается средних и мелких вкладчиков, для них такие уступки делаются редко, если вообще делаются. Начни мы открывать счета в европейских валютах десять или даже пять лет назад, многие из наших клиентов не проигрывали, а выигрывали бы при колебаниях курса доллара.

– А министерство финансов не будет возражать?

– Вероятно, будет. Но под давлением общественного мнения оно пойдет на попятную. Это уже проверено.

– Ты когда-нибудь затевал разговор на эту тему – чтобы больше вкладчиков имели счета в иностранных валютах?

– Однажды. Но безуспешно. Для нас, американских банкиров, доллар, каким бы слабым он ни был, остается святыней. А это все равно что зарываться головой в песок, люди же теряют при этом деньги. Лишь самые прозорливые догадались открыть счета в швейцарских банках, прежде чем доллар начал обесцениваться.

– Я много об этом думала, – сказала Эдвина. – Всякий раз, когда доллар падал, банкиры знали заранее, что это неизбежно произойдет. И тем не менее клиентов – за исключением избранных – не предупреждали, не рекомендовали им продавать доллары.

– Это считалось антипатриотичным. Даже Бен... Алекс осекся. С минуту оба молчали. Сквозь застекленную восточную стену кабинета были видны два огромных, недавно выстроенных небоскреба.

Глядя на них, Эдвина сказала;

– Окажись я сейчас на месте Бена, я была бы счастлива оставить после себя

такой след, как «Форум-Ист».

– Видимо, ты права. Без него это так и осталось бы неосуществленной мечтой.

«Форум-Ист» было названием крупной программы, разработанной городскими властями и направленной на реконструкцию центра города. По решению Бена Росселли «Ферст меркантайл Америкен» финансировал программу; ответственным со стороны банка был назначен Алекс Вандерворт. Центральный филиал, возглавляемый Эдвиной, выдавал ссуды на строительство и принимал заложенные.

– Я как раз думала о переменах, которые произойдут в банке. – Эдвина чуть не добавила: «Когда Бена не станет...»

– Конечно, перемен не миновать, и, вероятно, немалых. Но я надеюсь, «Форум-Ист» они не затронут. Она вздохнула:

– И часа не прошло, как Бен сообщил нам...

– А мы обсуждаем будущее банка, хотя могила ещё не вырыта. Что ж, никуда не денешься, Эдвина. Бен не стал бы возражать. Есть вопросы, которые требуют безотлагательного решения.

– В том числе: кто займет пост президента.

– Да, в том числе.

– Многие из нас надеялись, что это будешь ты.

– Честно говоря, я и сам надеялся.

Оба умолчали о том, что до сегодняшнего дня Алекс Вандерворт считался наследником Бена Росселли. Правда, в более отдаленном будущем. Алекс работал в «Ферст меркантайл Америкен» всего два года. До этого он занимал видный пост в «Федеральном резерве», и Бен Росселли переманил Алекса к себе, с тем чтобы со временем сделать его первым лицом.

* * *

Тогда старик Бен сказал Алексу:

– Лет через пять я желал бы передать дела не просто блестящему профессионалу. Я хочу, чтобы банком управлял тот, кто всегда будет помнить: мелкие вкладчики, то есть частные лица, во все времена были для нас основой основ. К сожалению, сегодня банкиры слишком далеки от этих людей.

Бен Росселли ясно дал понять, что он ничего твердо не обещает, однако добавил:

– По-моему, Алекс, вы тот человек, который нам нужен. Давайте поработаем вместе, а там видно будет.

Алекс приступил к работе и вскоре благодаря своему опыту и непрестанному поиску нестандартных решений завоевал себе подлинный авторитет. Что же до жизненной философии, то оказалось, что зачастую они с Беном исповедуют одни и те же взгляды.

Алекс соприкоснулся с банковским делом ещё в ранней молодости, причиной тому был его отец, эмигрант из Голландии, осевший в Миннесоте и занявшийся фермерством.

Питер Вандерворт-старший взял в банке кредит и, чтобы выплачивать проценты, гнул спину от зари до зари семь дней в неделю. В конце концов он скончался в нищете от непосильного труда, банк же продал его землю, погасив таким образом не только просроченные проценты, но и вернув первоначальную ссуду.

Печальный опыт отца убедил Алекса в том, что его место по ту сторону банковской стойки.

Молодой Алекс достиг поставленной цели, получив диплом Гарвардского университета и почетную степень доктора экономики.

* * *

– Все ещё может свершиться по задуманному плану, – сказала Эдвина Д'Орси. – Ведь президента будет избирать совет директоров. А срок службы – это ещё не все.

– Однако фактор немаловажный.

Про себя Алекс взвешивал шансы. Он знал, что ему хватит и опыта, и способностей, для того чтобы возглавить «Ферст меркантайл Америкен», однако директора вполне могут отдать предпочтение ветерану банка. Скажем, стаж Роско Хейворда почти двадцать лет, и, несмотря на то что у него были разногласия с Беном Росселли, он пользовался прочным авторитетом в совете директоров.

Вчера ситуация благоприятствовала Алексу. Сегодня она изменилась. Он встал:

– Мне пора браться за работу.

– Мне тоже.

Однако когда Алекс остался один, он продолжал сидеть в задумчивости.

С директорского этажа Эдвина спустилась на скоростном лифте в фойе административной башни – её архитектура представляла собой нечто среднее между Линкольн-центром и Сикстинской капеллой.

Окна фойе выходили на Росселли-плаза. Резкий осенний ветер кружил листья и вздымал пыль, торопя пешеходов к теплу очагов.

Эдвина не любила это время года. Оно навевало тоску, предвещало холода, дышало смертью.

Она невольно содрогнулась и поспешила в тоннель, соединявший административный корпус с центральным отделением банка – великолепным одноэтажным зданием. То была её «вотчина».

Глава 4

В центральном отделении банка среда началась как обычно.

На этой неделе Эдвина Д'Орси была дежурным администратором и пришла на работу в 8.30 – за полчаса до того, как массивные бронзовые двери открываются для клиентов.

Как управляющий центральным отделением «ФМА», а также как один из его вице-президентов, она имела право отказаться от обязанностей дежурного. Однако Эдвина предпочитала выполнять эту работу наравне со всеми. Тем самым она доказывала, что может работать не хуже мужчин – она была очень щепетильна на этот счет все пятнадцать лет своей деятельности в «Ферст меркантайл Америкен». Да и дежурить приходилось всего лишь раз в десять недель.

У бокового входа в здание она поискала среди косметики в коричневой сумочке от Гуччи ключ. Затем, прежде чем вставить его в замочную скважину, она проверила сигнал «засады нет». Сигнал был на своем обычном месте – едва заметная маленькая желтая пластинка, приклеенная к окну. Несколько минут назад её прикрепил вахтер, который обязан являться в банк первым. Сигнал означал, что внутри все в порядке. Если бы в течение ночи в банк проникли грабители, чтобы захватить заложников, первым был бы захвачен вахтер и предупредительного сигнала на окне не оказалось бы.

Поскольку за последнее время ограбления участились, большинство банков пользовалось сигналом «засады нет», при этом условный знак и его месторасположение часто менялись.

Войдя в здание, Эдвина первым делом открыла откидную панель, вмонтированную в стену. За ней находилась кнопка звонка; два долгих звонка, три коротких и ещё один долгий – таков был её код. Теперь в отделе службы безопасности, находившемся в административной башне, знают, что в банк вошел дежурный администратор. До неё то же самое проделал вахтер, у которого был собственный код.

В аппаратной службы безопасности после получения аналогичных звонков из других отделений банка систему сигнализации переключат с «тревоги» на «готовность».

Если бы Эдвина или вахтер перепутали код, то службой безопасности была бы вызвана полиция. И через несколько минут центральное отделение банка было бы оцеплено.

Коды, как и вся система условных сигналов, часто менялись.

Начали приходить остальные служащие, предъявлявшие пропуск вахтеру.

– Доброе утро, миссис Д'Орси. – К Эдвине присоединился седовласый ветеран банка по фамилии Тотенхо.

Он занимал пост исполнительного директора – в его компетенцию входили кадровые вопросы, а также текущая работа отделения. Они дошли по коридору до широкой, покрытой ковром лестницы, ведущей вниз, в хранилище. Дежурному администратору вменялось в обязанность присутствовать при открытии и закрытии двери в хранилище.

Они ждали, пока отключится автоматический замок, устанавливаемый на определенное время. Тотенхо мрачно спросил:

– Прошел слух, что мистер Росселли при смерти. Это правда?

– Боюсь, что да.

Она вкратце рассказала о вчерашней встрече. Тотенхо угрюмо буркнул что-то невразумительное. Эдвина взглянула на часы: 8.40. Через несколько секунд легкий щелчок внутри массивной двери из хромированной стали возвестит о том, что замок, установленный вчера вечером перед закрытием банка, автоматически отключился. Теперь можно открывать цифровые замки.

Нажав ещё на одну секретную кнопку, Эдвина оповестила службу безопасности, что хранилище открывается не под принуждением.

Эдвина и Тотенхо стояли рядом, набирая каждый свою комбинацию. При этом ни один из них не знал комбинацию другого, таким образом, они

могли открыть хранилище только вдвоем.

К ним подошел помощник исполнительного директора Майлз Истин. Молодой, красивый, элегантный, он был всегда жизнерадостен, чем выгодно отличался от вечно унылого Тотенхо. Эдвине нравился Истин. С ним был старший кассир хранилища, который будет принимать и выдавать деньги в течение дня. Только наличными за шесть рабочих часов через его руки пройдет около миллиона долларов – банкнотами и мелочью.

Что касается чеков, то за тот же период времени их денежный эквивалент составит ещё двадцать миллионов.

Эдвина отступила назад, а старший кассир и Майлз Истин распахнули огромную, сконструированную по последнему слову техники дверь в хранилище. Она будет оставаться открытой до конца рабочего дня.

– Мне только что позвонили, – сказал Истин, обращаясь к исполнительному директору. – Надо где-то найти на сегодня двух кассиров.

Выражение лица Тотенхо стало совсем кислым.

– Что, грипп? – спросила Эдвина.

Вот уже десять дней как в городе свирепствовала эпидемия, и в банке не хватало людей, в первую очередь кассиров.

– Да, – отозвался Майлз Истин.

– Хоть бы мне самому заразиться, – захныкал Тотенхо, – тогда я бы мог остаться дома, предоставив кому-нибудь другому беспокоиться о том, кто будет сидеть за кассами. Вы настаиваете, чтобы мы сегодня открылись? – поинтересовался он у Эдвины.

– По-моему, от нас этого ждут.

– В таком случае нам придется привлечь парочку администраторов. Ты будешь первым, – обратился он к Майлзу Истину, – так что бери ящик и готовься к встрече с клиентами. Ты ещё не научился считать?

– До двадцати сосчитаю, – ответил Истин, – если сниму носки.

Эдвина улыбнулась. Она не сомневалась в молодом Истине – он отлично справлялся с любым делом. Когда в будущем году Тотенхо уйдет на пенсию, скорее всего она назначит исполнительным директором Майлза Истина. Он улыбнулся в ответ.

– Не беспокойтесь, миссис Д'Орси. Я довольно хороший запасной игрок.

Эдвина знала, что у Истина было весьма интересное хобби – он изучал и коллекционировал иностранные банкноты и монеты, и его познания в этой области не раз пригождались банку. Кроме того, Истин был настоящим экспертом по части фальшивых денег – всякий раз, когда банкнота вызывала сомнения, к нему обращались за консультацией.

Все трое – Эдвина, Истин и Тотенхо – поднялись по лестнице из хранилища на первый этаж.

Из бронированного грузовика в здание вносили холщовые мешки с деньгами, при сем присутствовали двое вооруженных охранников.

Огромные суммы наличных доставлялись в банк каждое утро. Такой порядок обуславливался очень простой причиной. Иметь излишки денег в хранилищах считалось нецелесообразным, кроме того, существовала опасность недостачи или ограбления.

Для любого управляющего банком главное – предотвратить дефицит денег, но при этом и лишних держать нельзя.

– Надеюсь, вы привезли денежки поновее, а не то старье, что мы получаем в последнее время, – проворчал Тотенхо, обращаясь к охранникам.

– Я сказал парням в центральной кассе, что вы недовольны, мистер Тотенхо, – отозвался один из охранников. – Вы им, оказывается, звонили. По мне, так любые деньги хороши – что старые, что новые.

– К сожалению, – ответил исполнительный директор, – не все наши клиенты такого мнения.

Каждый банк стремился заполучить новую валюту, поступавшую в «Федеральный резерв» из монетного двора. Как ни странно, но многие клиенты, так называемая «придирчивая клиентура», отказывались от

истрепанных банкнот, требуя выдать им новые или по крайней мере чистые, которые на банковском жаргоне именовались «качественными». К счастью, среди клиентов были и такие, кому это было абсолютно безразлично, и в подобных случаях кассиры должны были по возможности избавляться от самых грязных, засаленных купюр.

– Говорят, сейчас гуляет много фальшивых денег, причем первоклассных. Может, подсобить – раздобыть для вас мешок-другой, – пошутил второй охранник, подмигнув товарищу.

– Как-нибудь обойдемся. Их и так попадает к нам предостаточно.

Только на прошлой неделе в банке было обнаружено около тысячи фальшивых долларов – источник поступления оставался неизвестен.

Агенты Секретной службы США, обсуждавшие накануне эту проблему с Эдвиной и Майлзом Истином, не скрывали своей озабоченности.

– Еще никогда фальшивые деньги не знали столь высокого качества и не поступали в обращение в таком количестве, – заметил один из них. – По самым минимальным подсчетам, в прошлом году было изготовлено около тридцати миллионов фальшивых долларов.

Основными источниками поступления фальшивой американской валюты являлись Англия и Канада. Агенты также сообщили, что колоссальные суммы фальшивых денег введены в обращение в Европе.

– Там их весьма сложно обнаружить, поэтому предупредите своих друзей, чтобы ни в коем случае не принимали в Европе американские доллары. Они вполне могут оказаться просто бумагой.

Первый охранник взвалил мешок на плечи.

– Не беспокойтесь. Все это настоящие зеленые. Мы не подведем!

Оба охранника спустились в хранилище.

Эдвина направилась к своему столу на возвышении. Банк постепенно оживал. Центральные двери открылись, и начали появляться первые клиенты.

Место, где по традиции работали старшие управляющие, являло собой небольшое возвышение, покрытое темно-красным ковром. По обеим сторонам стола Эдвины, самого большого и элегантного, красовались два флага: чуть сзади справа – государственный американский, а слева – треугольный флаг штата. Иногда у неё возникало ощущение, словно она находится в телестудии и должна сделать важное заявление перед камерой.

Ее стройное, гибкое тело привычно опустилось на вращающийся стул с высокой спинкой, она поправила коротко остриженные волосы, хотя в этом не было нужды – они лежали, как всегда, идеально.

Эдвина протянула руку к папкам с прошениями о предоставлении ссуд; она имела право утверждать более высокие суммы, чем кто-либо из управляющих. До одного миллиона долларов единовременно, правда, требовалось согласие двух других представителей администрации. Согласие она неизменно получала. Прощения на ссуды свыше миллиона передавались в административный корпус, в отдел по вопросам кредитной политики.

В «Ферст меркантайл Америкен», как и в структуре любого другого банка, статус администратора определяется размерами ссуды, которую тот имел право утверждать. Такого рода полномочия свидетельствовали о месте администратора в иерархии банка. И назывались «качеством инициалов», так как для окончательного утверждения ссуды администратор ставил на документе свои инициалы.

«Качество инициалов» Эдвины было необычайно высоким для управляющего.

Сегодня утром она просмотрела два прошения о предоставлении ссуды, одобрила первое и сделала кое-какие карандашные пометки на втором. Третье прошение её просто потрясло. Словно громом пораженная, она ещё раз прочла все бумаги, прилагавшиеся к прошению.

Администратор, подготовивший дело, ответил на звонок Эдвины по селектору:

– Каслмен слушает.

– Клифф, подойдите, пожалуйста, ко мне.

– Сейчас иду. – Их отделяло друг от друга не больше шести столов, и Каслмен смотрел прямо на Эдвину. – Держу пари, я знаю, зачем вы меня вызываете.

Клифф Каслмен был человеком небольшого роста, аккуратным, с круглым розовым лицом и мягкой улыбкой. Просителям он нравился, так как умел слушать и сочувствовать.

– Я было решила, – сказала Эдвина, – что это прошение не более чем розыгрыш, хотя и отвратительный.

– Я бы даже сказал, омерзительный, миссис Д'Орси. Однако при всей тошнотворности ситуации, уверяю вас, она реальна. – Каслмен указал на папку. – Я заранее собрал всю информацию, предвидя, что вы её потребуете. А также приложил свою рекомендацию.

– И вы действительно считаете возможным выдать такую колоссальную ссуду на это?

– Я действительно так считаю.

Сорокатрехлетний аптекарь по фамилии Госберн обращался с просьбой о ссуде в размере двадцати пяти тысяч долларов. На эти деньги он намеревался приобрести большую капсулу из нержавеющей стали, чтобы поместить туда тело своей дочери Андреа. Она умерла шесть дней назад в возрасте пятнадцати лет от болезни почек. В настоящее время тело Андреа находилось в морге. Капсула наполнялась жидким азотом минусовой температуры. И в этот раствор погружалось тело, завернутое в алюминиевую фольгу.

– Вам не доводилось слышать об обществах крионистов?

– Нечто псевдонаучное. С довольно плохой репутацией.

– Верно. Однако у крионистов есть множество сторонников, в частности, они сумели убедить Госберна и его жену в том, что, когда медицина достигнет более высокого уровня развития – лет, эдак, через пятьдесят – сто, Андреа можно будет отогреть, оживить и вылечить. Кстати, девиз крионистов: заморозить – выждать – вернуть к жизни.

– Какой ужас, – выдохнула Эдвина.

– Согласен. Однако попробуйте взглянуть на все это их глазами. Они искренне веруют. К тому же они взрослые, вполне разумные и глубоко набожные люди. Разве можем мы, банкиры, брать на себя роль судей? С моей точки зрения, вопрос заключается лишь в следующем: сможет ли Госберн выплатить долг? Ознакомившись с цифрами, смею утверждать – сможет и выплатит. Не исключено, что он не в своем уме. Но из его дела явствует, что если он и сумасшедший, то аккуратно оплачивающий счета. Миссис Д'Орси, – добавил Каслмен, – дело пролежало у меня на столе два дня. И по-моему, это оправданный риск.

Оправданный риск. В конце концов Эдвина пришла к выводу, что по большому счету Клифф Каслмен прав – только степень оправданности риска и должна интересовать банк. Прав он и в том, что банк не должен выступать в роли судьи по житейским делам.

– Ладно, – сказала Эдвина. – Хотя эта затея мне глубоко отвратительна, я принимаю вашу точку зрения.

Она поставила инициалы. Каслмен вернулся к своему столу.

Таким образом, если не считать ссуды на замораживание тела девушки, день начался как обычно.

Все шло своим чередом до обеда.

В те дни, когда Эдвина обедала одна, она предпочитала «нижний» кафетерий в административной башне. В кафетерии было шумно, еда – так себе, но обслуживали там быстро, и весь обед занимал пятнадцать минут.

Однако сегодня у неё был гость, и потому она воспользовалась одной из привилегий вице-президента, пригласив его в закрытый ресторан для старшего руководства – на одном из верхних этажей административной башни. То был их клиент – распорядитель кредитов в крупнейшем городском магазине, который просил ссуду в размере трех миллионов на короткий срок для покрытия дефицита наличных.

– Ох уж эта инфляция! – вздыхал бухгалтер над суфле из шпината.

Счет магазина имел для банка серьезное значение, однако Эдвина настояла на жестких, выгодных банку условиях сделки. Клиент поворчал, но, когда принесли десерт, согласился. Сумма в три миллиона долларов превышала компетенцию Эдвины, несмотря на это, она не сомневалась, что со стороны «башни» возражений не будет. В случае необходимости – в целях экономии времени – она поговорит с Алексом Вандервортом, который всегда поддерживал её начинания.

Они принялись за кофе, когда к столику подошла официантка.

– Миссис Д'Орси, – сказала девушка, – вас к телефону мистер Тотенхо. Он говорит, срочно.

Эдвина извинилась и прошла в телефонную кабину.

– Еле вас разыскал, – прохныкал исполнительный директор.

– Ну ведь разыскали же. Что стряслось?

– У нас крупная недостача.

Он рассказал, что кассир сообщил о недостаче полчаса назад. Все это время идет проверка. Помимо обычного уныния в голосе Тотенхо слышалась паника. Эдвина спросила, о какой сумме идет речь. Тотенхо сглотнул:

– Шесть тысяч долларов.

– Иду немедленно.

Не прошло и минуты, как она, извинившись перед гостем, спускалась на первый этаж в скоростном лифте.

Глава 5

– Насколько я понимаю, – мрачно заметил Тотенхо, – ни у кого не вызывает сомнений то обстоятельство, что пропали шесть тысяч долларов наличными.

Исполнительный директор был в числе четверых человек, сидевших у стола Эдвины Д'Орси. Здесь же были Эдвина, Майлз Истин и кассирша Хуанита Нуньес.

Деньги пропали из кассы Хуаниты Нуньес.

Прошло полчаса с тех пор, как Эдвина вернулась с обеда.

– Вы правы, – ответила она на замечание Тотенхо, – но мы ещё не исчерпали всех наших возможностей. Я бы хотела ещё раз проанализировать ситуацию – тщательно и не торопясь.

Было начало четвертого. В банке не осталось ни одного клиента. Входные двери были заперты.

Каждый занимался своим делом, однако от Эдвины не ускользнуло то, что служащие украдкой поглядывают на них: все понимали – случилось что-то серьезное.

Эдвина приказала себе сохранять спокойствие и трезво оценивать каждую подробность. Сейчас важно не упустить ни малейшего нюанса в интонации, в манере говорить – особенно внимательно надо следить за реакцией миссис Нуньес.

Эдвина прекрасно знала, что очень скоро ей придется заявить о крупной недостатке руководству банка, после чего за дело примутся главное отделение службы безопасности, а возможно, и ФБР. Однако пока оставался шанс разобраться во всем своими силами, не пуская в ход тяжелую артиллерию, Эдвина намеревалась его использовать.

– Если не возражаете, миссис Д'Орси, – сказал Майлз Истин, – я начну, поскольку я первым узнал от Хуаниты о недостатке.

Эдвина кивнула в знак согласия.

Истин рассказал, что услышал о недостатке без чего-то два. К нему подошла Хуанита Нуньес и сообщила, что, похоже, в её кассе не хватает шести тысяч долларов. После чего Истин запер свою кассу и отправился к Тотенхо.

Тут вступил в разговор Тотенхо, который был мрачнее тучи. Он сразу переговорил с миссис Нуньес. Сначала он не поверил, что недостача составляет шесть тысяч долларов, – ведь невозможно определить сумму наобум, не проверив кассу.

Аргументы исполнительного директора были следующими: Хуанита Нуньес работала целый день. Начав с десяти тысяч долларов наличными, она принимала и выдавала деньги с девяти часов утра. В общей сложности она просидела за кассой почти пять часов минус сорок пять минут на обед, и все это время в банке было полно народу. Следовательно, сумма наличных в её кассе – чеки мы исключаем – могла достичь двадцати – двадцати пяти тысяч долларов.

– Мне непонятно, – заключил Тотенхо, – как миссис Нуньес вообще могла определить, что пропали деньги, а к тому же ещё и точно указать сумму? Эдвина кивнула. Ей и самой это показалось странным. Эдвина украдкой присматривалась к молодой женщине: миниатюрная, изящная брюнетка, не красавица, но по-своему привлекательная, типичная пуэрториканка с ярко выраженным акцентом. До сих пор она молчала, лишь коротко отвечая на вопросы. Время от времени она о чем-то задумывалась – выражение её лица говорило: мне надоело попусту тратить время. Однако она нервничала, беспрестанно сжимала руки и вертела тоненькое золотое обручальное кольцо.

Эдвина Д'Орси знала, что Хуаните Нуньес двадцать пять лет, она замужем, но живет одна с трехлетним ребенком. В «Ферст меркантайл Америкен» она работает почти два года в одной и той же должности. Эдвина как-то слышала, что девушка воспитывает ребенка одна и испытывает серьезные материальные затруднения, так как бросивший её муж оставил ей

множество долгов.

Тотенхо продолжал: он сразу же велел ей прекратить работу, после чего её немедленно «заперли».

«Запереть» означало помочь служащему, попавшему в подобную ситуацию. Кассира попросту оставляли одного в маленьком закрытом кабинете, где, вооружившись калькулятором, он должен был подсчитать приход и расход за день.

Тотенхо ждал за дверью.

Вскоре Хуанита позвала исполнительного директора и подтвердила, что не ошиблась. В кассе не хватало шести тысяч долларов.

Тотенхо пригласил Майлза Истина, и они вдвоем перепроверили кассу в присутствии Хуаниты Нуньес. Все оказалось именно так, как она говорила.

Тогда Тотенхо позвонил Эдвине.

– Итак, мы вернулись к тому, с чего начали, – сказала Эдвина. – Ни у кого не возникло новых идей?

– Если Хуанита не возражает, я бы хотел задать ей несколько вопросов, – вызвался Майлз Истин. Эдвина кивнула.

– Постарайтесь припомнить, Хуанита, – начал Истин, – в течение дня вы ни с кем из кассиров не производили «ДО»?

Все трое знали, что «ДО» – это денежный обмен. Зачастую у дежурного кассира заканчивались банкноты или монеты какого-то одного достоинства, и если это случалось в горячую пору, то, вместо того чтобы идти в хранилище, кассиры выручали друг друга, «покупая» и «продавая» деньги.

– Нет, – ответила девушка. – Сегодня нет. Никаких обменов.

– В течение дня никто из служащих не мог оказаться около вашей кассы, – продолжал доискиваться Майлз Истин, – и позаимствовать некоторую сумму?

– Нет.

– Хуанита, за сколько времени до того, как вы обратились ко мне, вы обнаружили недостачу?

– За несколько минут.

– К этому моменту, – вмешалась Эдвина, – сколько времени прошло после вашего обеденного перерыва, миссис Нуньес?

На сей раз девушка усомнилась.

– Минут двадцать.

– Давайте попробуем вспомнить, не произошло ли что-нибудь до перерыва на обед, – предложила Эдвина. – Вы не допускаете, что деньги могли пропасть тогда?

Хуанита Нуньес отрицательно помотала головой.

– Почему вы в этом уверены?

– Знаю.

Эдвину начали раздражать беспомощные, односложные ответы девицы. Как и её хмурая недоброжелательность, переходившая в откровенную враждебность.

Тотенхо повторил ключевой вопрос:

– Почему после обеда вы наверняка знали не только то, что пропали деньги, но и сколько именно? Девушка вызывающе на него посмотрела:

– Знала.

Остальные недоверчиво молчали.

– А вы, случайно, не могли по ошибке выплатить эти шесть тысяч долларов клиенту?

– Нет.

– Прежде чем уйти на обед, Хуанита, – спросил Майлз Истин, – вы отвезли кассу в хранилище и установили цифровой замок. Верно?

– Да.

– Вы уверены, что не забыли насчет замка? Девушка утвердительно кивнула.

– А замок исполнительного директора был заперт?

– Нет, открыт.

Что тоже было в порядке вещей.

– Когда вы вернулись с обеда, ваша касса по-прежнему находилась в хранилище и была заперта?

– Да.

– Вашу цифровую комбинацию никто, кроме вас, не знает? Вы её никогда никому не давали?

– Нет.

На какое-то время поток вопросов прекратился. По-видимому, каждый из присутствующих прокручивал про себя порядок действий в хранилище.

Касса, о которой говорил Майлз Истин, представляла собой портативный сейф, установленный на подставке с колесиками, он был достаточно легким, для того чтобы его можно было без труда перемещать с места на место. За каждым кассиром была закреплена определенная касса с отчетливо проставленным номером. Несколько запасных касс предназначалось для особых случаев. Одной из них сегодня пользовался Майлз Истин.

При ввозе и вывозе из хранилища каждая касса регистрировалась старшим кассиром хранилища. Избежать этой процедуры было невозможно, как невозможно было – преднамеренно или по ошибке – взять чужую кассу. На ночь и на выходные массивная дверь в хранилище опечатывалась надежнее, чем гробница фараона.

На каждой кассе было установлено два особых цифровых замка. Один – для кассира, второй – для исполнительного директора или его помощника. Таким образом, по утрам касса открывалась в присутствии двух человек – кассира и исполнительного директора.

Каждый кассир должен был помнить и держать в секрете свою цифровую комбинацию, которую можно было изменить по его первому желанию. Цифровая комбинация кассира хранилась в специальном сейфе – в запечатанном конверте с двумя подписями, что было единственным письменным свидетельством. Печать на конверте можно было вскрыть лишь в случае болезни, смерти или увольнения кассира.

Современная касса отличалась ещё одной особенностью – в неё была вмонтирована система сигнализации. Когда касса устанавливалась у стойки, то через электрическую сеть подключалась к внутренней системе связи. Предупредительная кнопка находилась внутри, под стопкой банкнот, так называемой «приманкой».

По инструкции кассиры не имели права использовать «приманку» для обычных денежных операций, однако в случае налета должны были в первую очередь избавиться от этих денег. Как только деньги были убраны с кнопки, автоматически приходила в действие система бесшумной сигнализации и поднимала на ноги службу безопасности банка и полицию, которая обычно оказывалась на месте через несколько минут; кроме того, сразу включались скрытые камеры. Фиксировались серийные номера «приманки», с тем чтобы потом их можно было использовать в качестве улики.

– «Приманка» на месте? – осведомилась Эдвина у Тотенхо.

– Да, – ответил тот, – «приманка» цела. Я проверил.

«Значит, нет никакой надежды ухватиться за эту ниточку», – подумала Эдвина.

Вновь заговорил Майлз Истин:

– Хуанита, может быть, вы все же припомните кого-нибудь, кто бы мог взять деньги из вашей кассы?

– Нет, – ответила Хуанита Нуньес.

Эдвине, внимательно наблюдавшей за девушкой, показалось, что Хуанита испугана. Ну что ж, у неё есть на то основания – ни в одном банке такая огромная недостача не может остаться безнаказанной.

Эдвина больше не сомневалась в том, что деньги украла Нуньес. Другого объяснения быть не могло. Остается лишь выяснить – как.

Хуанита Нуньес могла передать деньги сообщнику, находившемуся по другую сторону прилавка. Никто бы и не заметил. Либо спрятать деньги и тайно вынести их из банка во время обеденного перерыва, правда, в этом случае она рисковала сильнее.

Об одном Нуньес знала наверняка – она потеряет работу даже в том случае, если не будет доказано, что она украла деньги. Виновника крупной недостачи – и кассирам это было известно – всегда увольняли.

Эдвине было жаль девушку. Очевидно, она была доведена до отчаяния. А возможно, пошла на это ради ребенка.

– Я думаю, мы сделали все, что в наших силах, – сказала Эдвина. – Мне придется проинформировать руководство банка. Расследование продолжат официальные лица. – Все трое встали. – Миссис Нуньес, – обратилась Эдвина к девушке, – останьтесь, пожалуйста.

Хуанита села.

И когда мужчины уже не могли их слышать, Эдвина произнесла с преувеличенной благожелательностью:

– Хуанита, я думаю, нам следует поговорить откровенно, по-дружески.

Эдвина подавила в себе прежнее раздражение. Девушка напряженно смотрела ей в глаза.

– Вы, несомненно, осознаете две вещи. Первое: неизбежно тщательное расследование при участии ФБР, поскольку у нашего банка федеральное страхование. Второе: подозрение неминуемо падет на вас. – Эдвина помолчала. – Я с вами откровенна. Вы понимаете меня?

– Понимаю. Но я не брала денег. Эдвина заметила, что девушка по-прежнему нервно крутит обручальное кольцо.

– Каким бы длительным ни было расследование, Хуанита, истина все равно восторжествует. Следователи – люди дотошные. Да и опытные к тому же. Они доведут дело до конца.

– Я не брала денег, – с жаром повторила девушка.

– Я не говорю, что вы это сделали. Но если, паче чаяния, вам известно больше, чем вы сказали до сих пор, сейчас самое время открыть правду, ничего не скрывая, пока мы беседуем с глазу на глаз. Потом будет поздно.

Хуанита Нуньес собралась было заговорить. Эдвина подняла руку:

– Нет, дослушайте меня до конца. Я даю вам слово. Если деньги будут возвращены в банк, скажем, не позднее завтрашнего дня, не будет ни официального расследования, ни судебного разбирательства. Кто бы ни взял эти деньги, он не может дольше здесь работать. Однако с вами ничего такого не случится. Ручаюсь. Хуанита, вы хотите мне что-нибудь сказать?

– Нет, нет и нет! – Глаза девушки сверкали, лицо пылало от гнева. – Говорю вам, я не брала деньги, и сейчас и когда угодно это повторяю.

Эдвина вздохнула:

– Ну что ж, тогда на сегодня все. Только, пожалуйста, не уходите из банка, предварительно не поставив меня в известность.

Похоже, Хуанита Нуньес хотела опять сказать что-то резкое. Однако лишь слегка пожала плечами и ушла.

Из-за своего стола, стоявшего на возвышении, Эдвина наблюдала за тем, что делается вокруг, – это был её мир, за который она отвечала.

Все звуки были приглушенными: тихий гул голосов, шелест бумаг, позвякивание монет и пощелкивание калькуляторов.

Она приняла решение: сняв трубку, набрала внутренний номер.

- Служба безопасности, – произнес женский голос.
- Мистера Уэйнрайта, пожалуйста, – сказала Эдвина.

Глава 6

Со вчерашнего дня Нолан Уэйнрайт с трудом заставлял себя сосредоточиться на текущей работе в банке.

Шеф службы безопасности был глубоко потрясен известием, которое услышал во вторник утром в конференц-зале, – вот уже больше десяти лет их с Беном Росселли связывала теплая, искренняя дружба.

Их взаимная привязанность крепла день ото дня; а когда умерла жена Бена Росселли, Уэйнрайт стал частенько ужинать со стариком, после чего они допоздна засиживались за шахматами.

Это было своего рода отдушиной и для Уэйнрайта, чей собственный брак закончился разводом вскоре после того, как он поступил на работу в «ФМА».

Они говорили обо всем на свете, сознательно и бессознательно оказывая влияние друг на друга. Именно Уэйнрайт – и только они вдвоем знали об этом – убедил президента банка в том, чтобы тот употребил свой личный авторитет и фонды «ФМА» на осуществление программы «Форум-Ист», – ведь Уэйнрайт родился и вырос в этом районе трущоб.

Так что, как и у многих других, у Нолана Уэйнрайта были свои, сокровенные воспоминания и своя, сокровенная скорбь.

Сегодня он все ещё находился в подавленном состоянии и, проведя первую половину дня главным образом за рабочим столом, дабы избежать лишних встреч и разговоров, Уэйнрайт отправился обедать в одиночестве. Вернулся он вовремя, так как у него была назначена встреча с Вандервортом.

Они должны были увидеться в отделении «Кичардж», расположенном в административной башне.

В свое время «Ферст меркантайл Америкен» выступил инициатором создания системы кредитных карт «Кичардж», в которой сейчас

участвовала группа мощных американских, канадских и европейских банков. Карта «Кичардж» шла сразу после «Банк Америкард» и «Мастер Чардж». Руководил этим отделом «ФМА» Алекс Вандерворт.

Вандерворт пришел раньше времени, и Нолан Уэйнрайт застал его в центре управления, где тот наблюдал за ходом работы.

– Глаз не оторвешь, – сказал Алекс. – Лучшее бесплатное шоу в городе.

В большой, похожей на аудиторию комнате с приглушенным освещением и специальной звукопоглощающей обивкой на стенах и потолке у компьютеров сидело около пятидесяти операторов – в основном женщины.

Именно здесь владельцы кредитных карт «Кичардж» получали разрешения или отказы на кредиты.

Когда для оплаты товаров или услуг предъявлялась карта «Кичардж», она принималась безоговорочно, если сумма не превышала установленного лимита. Он мог колебаться в пределах от двадцати пяти до пятидесяти долларов. Для более крупной покупки требовалось разрешение, получить которое можно было в течение нескольких секунд.

Где бы ни был покупатель, он напрямую, через телефонный узел «УАТО», набирал номер центра «Кичардж». Автоматически происходило подключение к любому из свободных телефонов – и первый вопрос оператора был следующим: «Ваш коммерческий номер?»

Названные цифры набирались на компьютере. Затем – номер кредитной карты и сумма требуемого кредита.

На экране высвечивались слова «одобрено» или «отклонено». Пока оператор сообщал эту информацию покупателю, компьютер фиксировал сделку. В среднем в течение дня насчитывалось до пятнадцати тысяч звонков.

Алекс Вандерворт и Нолан Уэйнрайт надели наушники, чтобы слышать разговоры операторов с абонентами.

Тронув Алекса за руку, шеф службы безопасности указал на экран компьютера, где мигала надпись «похищена карта».

В соответствии с инструкциями женщина-оператор спокойно отвечала:

– По данным компьютера, ваша карта похищена. Постарайтесь найти похитителя и сообщите в местную полицию. Карту сохраните. «Кичардж» выплатит вам вознаграждение в размере тридцати долларов.

Уэйнрайт снял наушники, Алекс Вандерворт последовал его примеру.

– К сожалению, в большинстве случаев мошенник успевает воспользоваться картой, прежде чем нас известят о пропаже, – сказал Уэйнрайт.

– Но мы ведь получаем предупреждения о незаконном использовании «Кичардж».

– Верно. Десять покупок, и компьютер нас предостерегает.

Оба знали, что обладатели кредитной карты совершали не более чем шесть – восемь покупок в день. Зачастую, ещё до того как настоящий владелец спохватится, компьютер фиксировал информацию: «вероятность незаконного использования».

– В последнее время из-за мошенников мы теряем огромные деньги, – сказал Нолан Уэйнрайт. – Гораздо больше, чем обычно. Вот почему я и хотел поговорить.

Они перешли в отделение службы безопасности «Кичардж». Вандерворт и Уэйнрайт являли собой полную противоположность друг другу: один – светловолосый, коренастый, полноватый, несколько флегматичный; другой – чернокожий, высокий, подтянутый и мускулистый; характеры у обоих тоже были разными, что не мешало, однако, их добрым отношениям.

– Предлагаю вам викторину без приза, – сказал Нолан Уэйнрайт. Одну за другой, словно комбинацию в покере, он выложил на стол восемь пластиковых кредитных карточек «Кичардж». – Четыре из них – фальшивки, – объявил шеф службы безопасности. – Вы можете отличить их от настоящих?

– Конечно. Элементарно. На фальшивках всегда иначе напечатана фамилия владельца и... – Вандерворт умолк, уставившись на лежащие перед ним

карточки. – Господи! Печать на всех одна и та же!

– Почти. Если знать заранее, в чем состоит едва заметное отличие, его можно обнаружить при помощи увеличительного стекла. – Уэйнрайт извлек лупу.

– Теперь вижу, – сказал Вандерворт, – хотя без увеличительного стекла ни за что бы не заметил. А как фальшивки выглядят под ультрафиолетовыми лучами?

– Абсолютно так же, как настоящие.

– Это плохо.

Несколько месяцев назад на каждую подлинную кредитную карту «Кичардж» были нанесены скрытые знаки. Они проступали только под ультрафиолетовыми лучами.

– Да куда уж хуже, – согласился Нолан Уэйнрайт. – Это всего лишь образцы. У меня есть ещё десятка четыре; мы их конфисковали уже после того, как ими благополучно воспользовались. Таких великолепных подделок я ещё не видел.

– Арестовали кого-нибудь?

– Пока нет. Да и что толку – аресты не помогут обнаружить источник происхождения фальшивок: обычно их продают и перепродают очень осторожно, тщательно заматаывая следы.

Алекс Вандерворт взял со стола и повертел в руках одну из фальшивок – сочетание синего, зеленого и золотого цветов.

– Пластик тоже подделан идеально.

– Их изготавливают из оригинального пластика – ворованного. Четыре месяца назад на одного из наших поставщиков был совершен налет. Пропали триста пластин.

Вандерворт присвистнул. Из одной пластины выходило шестьдесят шесть кредитных карточек.

Уэйнрайт кивнул в сторону лежавших на столе фальшивок:

– Это только надводная часть айсберга. А сколько ещё фальшивок, о которых мы понятия не имеем? Возможно, их в десятки раз больше.

– До меня дошло.

Алекс Вандерворт начал в задумчивости ходить взад-вперед по кабинету.

Первые подделки были грубыми и легко распознаваемыми, но сейчас их качество улучшилось настолько – Уэйнрайт только что это продемонстрировал, – что разницу мог определить лишь специалист.

Как только появлялся новый способ обезопасить кредитки, преступники ловко его обходили или нащупывали другое слабое место. Например, последнее время на кредитных картах печаталась зашифрованная фотография владельца. Невооруженным глазом можно было увидеть лишь расплывчатое пятно, однако в специальном расшифровывающем устройстве фотография отчетливо проступала, что позволяло идентифицировать владельца. В данный момент идея казалась многообещающей, однако Алекс ни минуты не сомневался, что скоро в кругах организованной преступности будет раскрыт и этот способ.

Периодически производились аресты тех, кто пользовался крадеными или поддельными кредитными картами, но то была лишь капля в море. Проблема заключалась в том, что в банках не хватало следователей и представителей правоохранительных органов.

Алекс остановился.

– Что касается этих свежих фальшивок, – спросил он, – за ними могут стоять организованные преступные круги?

– Не только могут, но и стоят. Для того чтобы конечный продукт был столь высокого качества, необходима целая организация. Здесь нужны большие деньги, оборудование, специалисты, система распространения. Кроме того, на это указывает ещё ряд вещей.

– Например?

– Как вам известно, – ответил Уэйнрайт, – я поддерживаю контакт с правоохранительными органами. За последнее время на Среднем Западе резко возросло число фальшивых денег, фальшивых туристских чеков, фальшивых кредитных карт – наших в том числе. Требуется серьезное расследование, а у меня на это нет ни людей, ни средств. Алекс Вандерворт скорбно улыбнулся:

– Я все ждал, когда же мы наконец доберемся до бюджета.

Он знал, с какими трудностями приходится сталкиваться Нолану Уэйнрайту.

За последние годы авторитет службы безопасности банка возрос, её фонды увеличились, но в целом бюджет по-прежнему оставался низким. Все руководители это понимали. Однако поскольку служба безопасности не являлась прибыльной, то в списке на выделение дополнительных средств она значилась одной из последних.

– Вероятно, у вас, как всегда, есть предложения и расчеты, Нолан?

Уэйнрайт достал прозрачную папку, которую принес с собой.

– Все здесь. Сейчас нам, как никогда, нужны ещё два штатных следователя в отделе кредитных карт. Я также прошу выделить фонд зарплаты для секретного агента, который будет заниматься поиском источника фальшивых кредиток, а заодно – и источника утечки информации в банке.

Вандерворт удивленно вскинул брови:

– Думаете, это возможно?

На сей раз улыбнулся Уэйнрайт.

– Почему бы не попытаться? Разумеется, мы не станем помещать объявление в колонке «требуется помощь».

– Я внимательно изучу ваши предложения и сделаю все, что в моих силах. Большого обещать не могу. Можно мне взять эти карточки?

Шеф отдела безопасности кивнул.

– Есть ещё какие-нибудь соображения?

– Одно-единственное: по-моему, никто, включая вас, Алекс, не относится к проблеме фальшивых кредиток всерьез. Да, мы поздравляем себя с тем, что наши потери не превышают трех четвертых процента от общего оборота, однако же оборот неизмеримо возрос, а процентное соотношение остается прежним, если не меняется в худшую сторону. Насколько я могу судить, на следующий год оборот «Кичардж» может составить три миллиарда долларов.

– Именно на это мы и рассчитываем.

– В таком случае – при нынешнем процентном соотношении – ущерб, причиненный фальшивками, составит двадцать два миллиона.

– Мы предпочитаем выражать ущерб в процентах, – сухо отозвался Вандерворт. – Тогда это не звучит столь угрожающе и не вызывает беспокойства у директоров.

– Весьма циничный подход.

– Да, пожалуй.

Алекс понимал, что подобное отношение банкиров вряд ли можно оправдать, поскольку в конечном счете убыток покроют сами же клиенты – держатели кредитных карт, – с них попросту будут больше взимать за услуги.

Алекс дотронулся до прозрачной папки, которую Уэйнрайт положил на стол.

– Оставьте это мне. Я уже обещал вам сделать все, что в моих силах.

– В случае вашего молчания я явлюсь к вам в кабинет, чтобы стукнуть кулаком по столу.

Алекс Вандерворт ушел, а Нолан Уэйнрайт задержался из-за только что полученного сообщения. Шефа службы безопасности просили срочно связаться с миссис Д'Орси.

Глава 7

– Я говорил с ФБР, – сообщил Нолан Уэйнрайт Эдвине Д'Орси. – Завтра здесь будут два спецарента.

– Почему не сегодня?

Он широко улыбнулся:

– Трyпа нет, стрельбы – и той не было. Кроме того, у них свои проблемы. Что называется – нехватка людей.

– В таком случае могу я отпустить персонал? – спросил Майлз Истин, – Всех, кроме девушки, – ответил Уэйнрайт. – Я хочу ещё раз с ней побеседовать.

Наступил вечер. С тех пор как Уэйнрайт связался с Эдвиной и взял расследование в свои руки, прошло два часа. В течение этого времени он переговорил с Хуанитой Нуньес, Эдвиной Д'Орси, Тотенхо и Майлзом Истином.

Кроме того, он опросил других кассиров, работавших по соседству с Нуньес.

Дабы не привлекать к себе внимания, Уэйнрайт расположился в небольшом кабинете в дальнем конце банка. Сейчас здесь находились также Эдвина и Майлз Истин.

Ничего нового он не выяснил, разве что стала более очевидной вероятность кражи, а значит, по федеральным законам необходимо было поставить в известность ФБР. Уэйнрайт прекрасно знал, что в подобных случаях закон соблюдался далеко не всегда. В «Ферст меркантайл Америкен», как, впрочем, и в других банках, слово «кража» зачастую заменялось выражением «таинственное исчезновение», что позволяло не выносить сор из избы, то есть обходиться без расследования и шума. Служащего банка, подозреваемого в воровстве, просто-напросто увольняли с работы под

благовидным предлогом. А поскольку провинившиеся были не очень-то склонны к разговорам на эту тему, то о большинстве хищений ничего не было известно даже в банке.

Однако эта недостача, а скорее всего кража, была слишком велика и возмутительна, чтобы её замалчивать.

Выжидать, в надежде на то что всплывет новая информация, тоже казалось бессмысленным. Уэйнрайт знал, что, если пустить ФБР по уже остывшему следу, это вызовет серьезное недовольство. Однако до появления агентов из Федерального бюро он намеревался до конца исчерпать собственные возможности.

Когда Эдвина и Майлз Истин выходили из маленького кабинета, помощник исполнительного директора предложил:

– Я пришлю миссис Нуньес. Вскоре в дверях появилась изящная, легкая фигурка Хуаниты Нуньес.

– Входите, – сухо произнес Нолан Уэйнрайт. – Закройте дверь. Садитесь.

Он выбрал официальный, деловой тон. Чутье подсказывало ему, что на фальшивое дружелюбие девушка не клюнет.

– Я хочу ещё раз выслушать ваш рассказ. Подробный и последовательный.

Хуанита Нуньес по-прежнему смотрела исподлобья, однако сейчас помимо враждебности появились и признаки утомления. Тем не менее она возразила с неожиданной запальчивостью:

– Я рассказывала уже трижды. От начала до конца!

– Вы могли что-нибудь упустить во время предыдущих рассказов.

– Ничего я не упустила!

– Значит, сейчас расскажете в четвертый раз, агентам из ФБР – в пятый, а если понадобится, то и в шестой. – Он произнес это властным тоном, не повышая при этом голоса и глядя ей в глаза.

– Я знаю, чего вы хотите, – сказала девушка. – Вы хотите поймать меня на лжи, думаете, сейчас я скажу что-нибудь новое.

– А вы лжете?

– Нет!

– Так о чем же тогда беспокоиться? Голос её дрогнул.

– Я устала. И мне пора идти.

– Мне тоже. Если бы не пропавшие шесть тысяч долларов, я бы уже закончил работу и ехал домой. Однако деньги исчезли, и мы должны их найти. Так что опишите мне сегодняшний день – с того момента, когда вы заметили неладное.

– Как я и говорила, это произошло через двадцать минут после обеда.

Он прочел в её глазах презрение. Когда он начал первый допрос, он почувствовал, что девушка расположена к нему несколько больше, чем к остальным. Несомненно, она решила, что раз он черный, а она пуэрториканка, то она может рассчитывать по крайней мере на взаимопонимание. Откуда ей было знать, что, когда дело касалось расследования, он превращался в дальтоника. Не мог он проникнуться сочувствием и к её личным проблемам. О них упомянула Эдвина Д'Орси, но, по убеждению Уэйнрайта, никакие личные обстоятельства не могут оправдать воровства или обмана.

Разумеется, Нуньес была права – он и в самом деле хотел подловить её на каком-нибудь несовпадении. И это при всей её осторожности могло-таки произойти. Как опытный следователь, Уэйнрайт знал, что от усталости виновники преступлений допускают ошибки на допросах – сначала мелкие, потом ещё и еще, пока наконец не запутываются в паутине собственных измышлений.

Разговор продолжался три четверти часа – версия Хуаниты Нуньес оказалась совершенно идентичной прежней.

– Ну что ж, на сегодня все, – сказал наконец Уэйнрайт. – Завтра вам предстоит проверка детектором лжи.

Он произнес это как бы невзначай, однако внимательно следил за реакцией девушки. Он никак не ожидал, что реакция будет столь внезапной и бурной.

Смуглое личико Хуаниты запылало. Она резко выпрямилась на стуле.

– Нет! Я не буду подвергаться этой проверке!

– Почему?

– Потому что это унинительно!

– Ничего унинительного здесь нет. Многие проходят это испытание. Если вы невиновны, машина это подтвердит.

– Не доверяю я таким машинам. Вам тоже.

– У вас нет причин не доверять мне. Все, чего я хочу, это докопаться до истины.

– Я говорю истину! А вы не понимаете! Вы, как и остальные, думаете, будто я взяла эти деньги. И бесполезно вам что-нибудь доказывать.

Уэйнрайт встал и открыл перед девушкой дверь.

– Я советую вам до завтрашнего дня пересмотреть свое отношение к предстоящему тестированию. Если вы откажетесь, это будет не в вашу пользу.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

– Ведь я не обязана проходить эту проверку?

– Нет.

– Ну так я и не буду.

Она вышла из кабинета мелкими, быстрыми шажками. Минуту спустя Уэйнрайт не спеша последовал за ней.

Хуанита Нуньес зашла в гардеробную взять пальто и вернулась. В сторону Уэйнрайта она даже не взглянула. Майлз Истин, дожидавшийся с ключами,

выпустил её через главный вход.

– Хуанита, – спросил Истин, – могу я чем-нибудь помочь? Отвезти вас домой?

Она лишь отрицательно покачала головой и вышла. Нолан Уэйнрайт наблюдал из окна, как она пересекала улицу по направлению к автобусной остановке.

Он не сомневался, что денег при девушке не было. Она слишком умна, чтобы так рисковать; кроме того, такую огромную пачку не спрячешь. Во время и после разговора он не спускал глаз с Хуаниты – одежда плотно облегла её миниатюрную фигурку, ничего подозрительного он не заметил. Из банка Нуньес вышла с маленькой сумочкой. Ни пакетов, ни свертков она не выносила.

Уэйнрайт был убежден, что здесь не обошлось без сообщника.

Винновость Хуаниты Нуньес почти не вызывала сомнений. Ее отказ подвергнуться проверке детектором лжи лишь укрепил Уэйнрайта в этом мнении. Вспомнив её недавнюю вспышку гнева, он решил, что это был подготовленный, а может, и отрепетированный спектакль. Вероятно, девица догадывалась, что зайдет такой разговор, и потому не была застигнута врасплох.

Уэйнрайт вспомнил её презрительный взгляд, которому предшествовала невысказанная надежда на союзничество, и его охватила ярость. Ему вдруг захотелось, чтобы завтра люди из ФБР задали ей жару и вытрясли из неё всю правду. Хотя это будет непросто. Она крепкий орешек.

Майлз Истин запер центральную дверь и вернулся. – Ну что ж, – бодро сказал он, – пора и душ принять.

Шеф службы безопасности кивнул:

– Денек выдался не из легких.

Истин собрался было что-то сказать, но передумал.

– Хотите поделиться какими-то соображениями? – спросил Уэйнрайт.

После некоторых сомнений Истин все же признался;

– Пожалуй, да. До сих пор я помалкивал, поскольку это может оказаться просто игрой воображения.

– Это имеет отношение к пропавшим деньгам?

– Вполне вероятно.

– В таком случае, – серьезно произнес Уэйнрайт, – вы должны мне все рассказать, невзирая на ваши сомнения.

Майлз кивнул:

– Кажется, миссис Д'Орси вам говорила, что Хуанита Нуньес замужем. Муж её бросил. Она осталась с ребенком.

– Да, помню.

– Когда они жили вместе, то муж Хуаниты время от времени заглядывал в банк. Встречал её после работы. Пару раз я с ним разговаривал. Если мне не изменяет память, его зовут Карлос.

– И что?

– По-моему, он был сегодня в банке.

– Вы уверены? – резко спросил Уэйнрайт.

– Почти, хотя не настолько, чтобы присягнуть на суде. Просто я заметил некоего человека, решил про себя, что это он, и тут же выбросил это из головы. Я был занят. И продолжать думать о нем мне было ни к чему, по крайней мере до определенного момента.

– Когда вы его видели?

– В первой половине дня.

– Вы видели, как этот человек подошел к стойке?

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)